

517-й день Гейдельберга

Эм Мэйфилд

Эм Мэйфилд

517-й день Гейдельберга

«Автор»

2026

Мэйфилд Э.

517-й день Гейдельберга / Э. Мэйфилд — «Автор», 2026

6 января 1966 года на главной площади Берлина была повешена девушка, организовавшая восстание против президента Франгервела. Буквально через 5 месяцев были казнены остальные участники революционной организации под названием "Союз спасения". После их смерти в столице Германии был возведен памятник, вокруг которого по сей день ходят дети, взрослые и старики, всматриваясь в высеченные из камня храбрые лица подростков. К сожалению, только один из одиннадцати студентов смог увидеть, что их восстание имело смысл, что оно кардинально поменяло жизни людей и подарило им свободу. Перед вами история, как это произошло.

© Мэйфилд Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

517-й день Гейдельберга	5
Часть первая. Уголь	6
Пролог	7
Глава 1. Сомнения	8
Глава 2. Посвящение	20
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Эм Мэйфилд
517-й день Гейдельберга

517-й день Гейдельберга

Часть первая. Уголь

Пролог

Участники революции — кто они? Ветераны? таршее поколение, которое хочет вернуть всё на круги своя, ведь только они помнят, как было раньше? Может, осознанные взрослые, которые понимают, на что идут? Отважные матери, которых ведет к цели желание мести за своих сыновей? Государственные деятели, прекрасно понимающие, как устроен политический мир изнутри?

А что, если участниками являются подростки-студенты, только достигшие совершеннолетия? Они понимают, на что идут? Они осознают последствия своих решений? Наверное, ими движет то же чувство ностальгии, что и старшим поколением, и то же чувство осознанности, что и взрослыми.

6 января 1966 года на главной площади Берлина была повешена девушка, организовавшая восстание против президента Франгервела. Через 5 месяцев были казнены остальные студенты-участники революционной организации под названием «Союз спасения». После их смерти в столице Германии был воздвигнут памятник. Вокруг него и по сей день ходят дети, взрослые и старики, всматриваясь в высеченные из камня храбрые лица подростков.

К сожалению, только один из десяти студентов смог увидеть, что их восстание имело смысл, что оно кардинально изменило жизни людей, подарив им свободу.

Перед Вами история, как это произошло.

Глава 1. Сомнения

В войнах часто оказывается победителем одна страна, или же, один союз стран. В войне 1961 года не оказался победителем никто.

2.10.1964

Небо было застлано тёмно-серыми тучами, которые зловеще нависали над всем Гейдельбергом. В этом маленьком городке к Юго-Западу от Берлина практически не осталось постоянного населения. Многие приезжали по работе, ещё больше — уезжали. Здесь на постоянной основе оставались жить лишь бедные семьи, родители в которых не имели возможности получить государственную должность, потому что часто не принимали из-за образования, ещё чаще — из-за взглядов... Гейдельберг был одним из самых экономически неразвитых городов Франкфуртского округа, с самым неудачным географическим положением. Родиться здесь означало всю жизнь бедствовать и ощущать на себе все возможные последствия отсутствия социального лифта. Поговаривали, что люди, родившиеся в Гейдельберге, умирали в нем же, не продвинувшись ни в личной, ни в профессиональной сфере. Существование жителей этого городка было, можно сказать, бессмысленно. А всё было из-за одного: Гейдельберг находился в двух днях езды на лошади от столицы, что, в отсутствии любого другого транспорта, было очень далеко. С другой стороны — город был *не настолько* далеко от столицы, что подразумевало его нахождение под полным контролем государства и невозможность избежания формальностей и законов. Но несмотря на всё это, в Гейдельберге можно было найти счастливых людей, хотя их и было мало. Нужно было лишь зайти вглубь леса, в самую чащу, где на опушке стояла четверка одиноких кирпичных башен, маленькая деревянная пристройка с конюшней и загон для коров...

Поглядывая на скудные улочки города, Шэрон Кингсли поежилась, прикладывая дрожащие от тревоги пальцы к тёплой шее своего гнедого коня. Её голову переполняли всевозможные мысли, зубы сами по себе кусали раскрасневшиеся губы, и сердце билось чаще, чем прежде. Она боялась, по-настоящему боялась, и не могла скрывать ни своего страха за будущее, за себя, за жизнь, ни страха за весь мир. Плотнее усевшись в седло, Шэрон подтолкнула Ферда вперед вжимающим движением в его бока. Она проезжала по вымощенной крупным камнем Тропе философов мимо дома своего друга, герра Дальмайера.

Домик старичка был деревянный, построенный на скорую руку в первые послевоенные годы, когда жилищ в городе было катастрофически мало. Он находился в тени поредевших деревьев, кустарничков и высоких столбов радиостанций. На крохотном участке перед домом располагались коротенькие ряды грядок, в которых была уложена некрасивая, сероватая земля, а в ней проклевывались росточки недавно засеянных кустиков. Поодаль красовалась одна единственная яблоня, на которой поспевали маленькие зеленые кисленькие плоды.

Подъехав совсем близко к жёлтому низенькому заборчику, Шэрон замедлилась и подняла взгляд на окошко, занавешенное изнутри розово-беленьким тюлем. За полупрозрачной тканью виднелось нахмуренное личико старичка. Даже с улицы Шэрон могла заметить его усталый вид, глубокие морщины и жиденькую седину, покрывавшую его маленькую голову. Герр Дальмайер вдруг встрепенулся, и в его руках девушка заметила знакомый конверт. Ещё рано утром она собственноручно выводила на этих листах пергамента подзабытые буквы, стараясь

как можно короче выразить свои чувства на бумаге. Сердце её пропустило удар, когда Шэрон увидела, как по старческой щеке вдруг скатилась слеза.

Она хотела было уйти незамеченной, но Ферд заржал, нарочито привлекая внимание герра Дальмайера. Тот, услышав знакомый звук, повернулся к окну и заметил Шэрон, которая пыталась скрыться из виду, давя коню бока каблуками сапог. Ферд не подчинился и не сдвигался с места, как бы девушка не старалась приказывать ему. Через несколько мгновений дверка дома со скрипом отворилась, и на пороге показался сухощавый, жилистый человечек, одетый в тёмно-серые одежды, смотря на которые сложно было понять, были на нём штаны или длинная юбка, кофта, куртка или свитер, а, может, и всё вместе. Шэрон вздрогнула от нерешительности, взглянув ему в блестящие глаза, и впервые за несколько дней улыбнулась маленькой, еле-заметной мягкой улыбкой.

— Бросаешь нас? — услышала она негромкий старческий голос.

Герр Дальмайер неспешно спустился по узким ступенькам, не сводя грустных глаз с Шэрон. Та лишь отвернулась и закачала головой.

— Вы знаете, что это важно для меня. Всегда было важно, — прошептала Шэрон, игнорируя подступающие к горлу слёзы.

Старичок что-то пробормотал себе под нос и махнул рукой.

— Слезай, фрау Кингсли, — сказал он, наконец. — Попрощаемся, как должно.

Никогда еще Шэрон так быстро не соскакивала с коня, как в тот момент. Ферд даже боднул её головой, когда девушка и так была близка к тому, чтобы упасть. Герр Дальмайер раскинул руки, и Шэрон, перепрыгнув через невысокий заборчик, оказалась в его объятьях. Что-то нежное отцовское было в голосе старичка, когда он стал шептать ей на ухо слова ободрения.

— Ты подружишься с кем-нибудь. Станете близкими-близкими друг дружке. Прямо как ты с Марго. Найдешь свою любовь, я тебе это обещаю...

Шэрон почувствовала, как её глаза становятся мокрыми от подступающих слез, и совсем скоро по её щекам побежали горячие струйки.

— Ты изменишь мир, изменишься сама...

— Я не хочу меняться, — всхлипнула она, ещё глубже зарываясь лицом в его кофту, от которой пахло старыми книжками и пряными специями.

— Не плачь, — резко сказал герр Дальмайер и отстранил девушку от себя. — Фрау Кингсли, ты ещё не выросла. Меняться — это нормально. Это обыденность, повторяющееся событие нашей жизни. Ты успеешь изменить все свои представления о жизни, а может, даже и чужие.

Шэрон покачала головой, вытирая впалые щёки рукавом тёмно-синей шерстяной кофты. Чтобы успокоиться, она стала глубоко дышать, а герр Дальмайер продолжал говорить:

— Говоря о Марго, где эта негодница? Не едет с тобой?

— Едет! — уверенно ответила Шэрон, шмыгнув носом. — Мы собирались встретиться у реки, но я...

— Но ты решила зайти ко мне, — закончил за неё старичок. — Ничего страшного, она в любом случае пройдет мимо. Подождем её внутри, — сказал он решительно, направляясь к домику.

Шэрон застыла на месте и отрицательно помотала головой.

— Нет, герр, мне нужно идти, я же писала вам, что мне нужно там быть...

— Я не желаю этого слышать, — нараспев прервал её Дальмайер. — Я только вчера зашел к фрау Торнвел, и она отдала мне пучки сушеной травы для заварки чая. Представляешь, даром! — сказал он, заходя в дом и начиная копошиться в ящичках и шкафчиках.

Шэрон уже было собиралась что-то ему ответить, перебить, напомнить о том, что ей надо было уходить, надо было покидать её родной дом и своих друзей. Но только девушка открыла рот, чтобы сказать об этом, сзади, как эхом, раздался голос.

— Даром! Эта жадная женщина никогда не продает мне свой чай, даже если я предлагаю бартер!

Шэрон обернулась и лучезарной улыбкой встретила свою давнюю подругу. Марго спрыгнула с чёрного высокого коня и, похлопав его по шее, подошла к заборчику. Ферд и Марс, конь Марго, одновременно фыркнули в знак приветствия.

— Я так и знала, что ты будешь здесь, — сказала Марго, откинув чёрные пряди челки с улыбающегося лица. — И, почему-то, так и знала, что ты будешь плакать.

— Марго пришла! — воскликнул Дальмайер и выглянул из-за двери, чтобы махнуть обеим девушкам рукой. — Заходите же!

— Герр... — снова начала говорить Шэрон, но Марго схватила её за рукав кофты и потянула внутрь домика.

Никогда ещё Шэрон не было так грустно находиться в этом маленьком уютном помещении, пропитанном запахом специй, чая и пыли. В доме герра Дальмайера было две комнаты: спальня с узкой кроватью и тонким неудобным матрасом и кухонька, в которой располагался мягкий диван, небольшой деревянный стол, на котором стояла ваза с засохшими цветами и пару фарфоровых чашек. Все стены были увешаны пустыми деревянными полочками и шкафчиками, которые напоминали старичку его прежние книжные полки. Однажды Шэрон, зайдя к нему в гости, застала друга за странноватым занятием: тот, подставив стул к стене и встав на него, разрисовывал стены разноцветными прямоугольниками, чтобы со стороны казалось, будто там действительно стояли книги. Старичок ничего не объяснил, только вздохнул, выводя на нарисованном корешке книги немецкие буквы.

Шэрон и Марго уселись на объемное сиденье кожаного диванчика и наклонились к столу, наблюдая за тем, как герр Дальмайер снимает чайник с огня и заливает кружки крутым кипятком. В конце концов он достал с верхней полки одного из шкафов тарелку с серо-коричневыми печеньями и, поставив её перед девушками, сам сел за стол. Несколько минут каждый думал о чем-то своем, никто не начинал разговор, потому что им казалось, будто любые разговоры были бессмысленны в тот момент. Однако и напряженной тишины между ними не было, только мягкое, растекающееся по всему домику спокойствие, казалось, отгораживало девочек от внешнего мира. Дальмайер поднял на них внимательный взгляд и немного сощурился, как он делал часто, когда Шэрон и Марго совершали какие-то ошибки.

Шэрон смотрела в стену и порой поглядывала в окно, чтобы следить за двумя конями, тихо жевавшими траву рядом с забором. Она чувствовала, как приятная тишина начинала перерастать во что-то более жёсткое и острое, будто вопрошающее. Ей не хотелось разговаривать, и она мысленно представляла, как выбегает прочь из этого уютного места, покидает родной город, уезжает на своем коне далеко в лес и не останавливается, пока на горизонте не появляются знаменитые башни «Гелегенхайта». Ей не хотелось забывать Гейдельберг, совсем нет, ей только хотелось избежать новых причин для слез, новых разговоров со старым, уже известным исходом и из раза в раз повторяющихся прощаний. Мысль о предстоящем дне давила на неё, словно тяжеленный валун.

Вдруг тишину прервала Марго:

— Что за печенье? — спросила она, указывая на тарелку перед ними.

— Из сахара, молока и муки, оставшихся с сентября, — ответил герр Дальмайер, кивнув на пустые мешки из-под продуктов, скопившиеся у стены. — Знаете, мне сейчас надо искать новую ОИС, — вздохнул он, и у обеих девушек сердце пропустило удар. — Раз вы уезжаете учиться, я больше не буду считаться состоящим в семье, что означает, что придется искать других одиночек, только чтобы получать еду по карточкам...

Марго нахмурилась, а Шэрон окончательно отвернулась от стола.

— Вам это, наверняка, не приходило в голову, — продолжал старичок. — Но вот так случается в жизни — ваши действия имеют определенные последствия, которые, между прочим, касаются не только вас.

Марго цокнула языком и взяла с тарелки кругленькое печенье. Оно оказалось совсем сухое, поэтому девушка стала макать его в горячий чай. Заметив её движение, Шэрон скривилась и потянулась к своей чашке.

— Я не понимаю вашу позицию, — вскинула брови Марго, запихивая размокшее тесто в рот. — То вы поддерживаете наше стремление получить образование, то вы критикуете всю систему образования, то обижаетесь уже не на министерство, а на нас. Вот, как сейчас, например.

Герр Дальмайер вздохнул.

— Я тебе объясню свою позицию, — сказал он, откинувшись на спинку деревянного стула. — Конечно, я не препятствую вашим желаниям, не останавливаю, хотя, надо признать, хочется.

Шэрон взглянула на него с толикой вины.

— Но ты права, Марго, я действительно недолюбливаю нашу систему образования... Она определенно лучше, чем была в сороковые годы, но в сущности ничего не изменилось, вы это знаете. Я считаю, что вам будут промывать мозги, это неизбежно, — он вздохнул. — Однако если вы так хотите, если вы уже получили письма, если уже собрали вещи, то я не вижу причин оставаться. Здесь все равно ничего нового, ничего, что могло бы помочь вам в развитии. Я видел, как вы страдали эти три года из-за отсутствия школы...

— Это она страдала, — перебила его Марго, указывая на Шэрон.

Та усмехнулась.

— Нет, не только она, Марго, ты тоже. Ты скучала не по домашней работе, может быть, не по получению оценок, но по умственной деятельности — это точно. Это ещё одна ошибка государства. Нельзя ни при каких обстоятельствах прерывать обучение во всех странах Франгервела, а потом ещё и делать его частью элитарной, недоступной культуры.

Шэрон и Марго одновременно кивнули.

— А по поводу ОИС я разберусь, — улыбнулся Дальмайер. — Я почему-то уверен, что в организации скульпторов Гейдельберга найдется местечко и для меня.

— Вы ужасно лепите, — одновременно сказали Марго и Шэрон, и обе тут же засмеялись.

Герр Дальмайер показал девушкам кулак, хотя на его губах играла еле заметная усмешка.

Шэрон и Марго вышли от Дальмайера, когда сидеть на месте уже не представлялось возможным по двум причинам: с одной стороны, обе подрагивали от тревоги, с другой — время на въезд в школу было ограничено. Девушки уселись на своих коней и приготовились к дороге.

— Может, мне пойти с вами? — задумчиво пробубнил старичок, осматривая подруг влажными глазами.

Марго фыркнула и помотала головой:

— Не стоит.

— Мы справимся, — добавила Шэрон, сжимая поводья окостеневшими пальцами.

Чувство тревоги всё не уходило от неё, оно всё так же сидело где-то внутри и очерняло всё вокруг, словно вирус, поражающий клетки.

Старичок тяжело вздохнул, будто ожидая, что они переменят свое решение, но этого так и не случилось. Он чувствовал, как где-то в его сердце рвутся тоненькие ниточки, что из него течет кровь, что места разрыва болят и воспаляются, что всю грудную клетку тянет из-за этой боли. Боль была нестерпима, почти осязаема, но Дальмайер не мог показать ни одной эмоции на своем морщинистом лице. Он, потерявшись в своих мыслях, наблюдал за тем, как Шэрон и Марго начинали перекидываться то взглядами, то насмешливыми фразами. Он боялся, что смеялись они над ним, пока не расслышал последние строки:

— Нам необходимо это сделать, — прошептала Марго, и Шэрон засмеялась. — Нет, ты только представь, сколько еды у нас будет, если мы подкупим кого-то из булочников.

— Чем ты их подкупать собираешься? Опять бартер предложишь?

— У меня самый выгодный бартер во всем городе. Они мне хлеб, а я им белок.

— Радиоактивных, — добавила Шэрон.

Герр Дальмайер мягко улыбнулся и открыл рот, чтобы сказать:

— Найдите способ писать письма, хорошо? Или звоните — я уверен, там будет стационарный телефон.

— Обязательно, — с улыбкой сказала Шэрон и наклонилась к нему для уже привычного прощального объятия.

Вместо этого герр Дальмайер взял её голову в свои большие руки и поцеловал её лоб, кольнув мягкую кожу старческой бородой. Девушка на секунду зажмурилась, чтобы запечатлеть этот момент в своей памяти навечно. Точно так же Дальмайер попрощался с Марго, которая одарила его лучезарной улыбкой. Эта улыбка быстро спала, когда старичок, немного отойдя, стал поднимать руку, чтобы окрестить девушек. Марго тут же пресекла его намерение махом руки и повышенным голосом:

— Герр, прекратите! Увидят!

Старичок все равно закончил благословение, и, опустив руку в карман, кивнул им с неловкой усмешкой на губах.

— Фрау Беккер, я не могу этого не сделать, ты знаешь. Я бы жалел, если бы ничего не сделал, я бы не мог спать спокойно с мыслью, что отпустил вас без защиты Божией.

— Простой жест не защитит нас, — покачала головой Марго и уже хотела было сказать что-то ещё, но герр Дальмайер перебил её.

— Я не хочу с тобой спорить, тем более перед вашим уходом. Поезжайте.

Старичок одарил их прощальной улыбкой и решительно кивнул, будто заверяя их и давая им надежду. Девушки помахали ему ладошками и, отвернувшись, поскакали вниз по улице. Герр Дальмайер долго смотрел им вслед, и на его маленьких глазах выступали сверкающие капельки горьких слез.

Постоянно соревнуясь, громко смеясь и перегоняя друг друга, Марго и Шэрон добрались до входа в лес, и там Марс вышел перед Фердом на узкую тропинку. Каждый шаг коней сопровождался звонким хрустом сухих веток и хлюпающим звуком размокшей после дождя земли. Шэрон окликнула Марго, когда они заходили в чащу леса:

— Ты знаешь, куда идти?

Марго слегка обернулась назад.

— Я не уверена. В поддельных письмах не пишут адрес.

Шэрон вскинула брови, потянувшись за своим конвертом в карман.

— Правда? А у меня он есть.

На пару секунд наступила тишина, когда Марго не нашла, что ответить. В конце концов, она непринужденно воскликнула:

— А! Наверное, герр Кармайкл знал, что мы поедем вместе, вот и написал его только тебе.

Шэрон нахмурилась. Она перекинулась через шею своего коня и передала письмо подруге, чтобы та шла по прикрепленной внутри карте местности. «Гелегенхайт» находился на опушке леса в нескольких километрах от города.

Чтобы не идти в тишине, Шэрон включила карманный радиоприемник, который ещё в военное время ей подарили родители. Из него, сквозь скрежет, донесся голос Аджери Меренберг, директрисы Гелегенхайта:

«Дорогие друзья, я хочу сегодня вам напомнить о том, кто мы такие, и чего хотим добиться. Меня зовут Аджери Меренберг, я государственный деятель нашей огромной

страны, а также директор школы-интернат „Гелегенхайт“. Мы, дорогие друзья, хотим улучшения, восстановления жизни всех и каждого после событий 1961 года. Именно поэтому, немного оправившись после апокалипсиса, наш незаменимый и вездесущий Вальтер Краузе, президент нашей великой страны, одарил несколько городов в Франгервеле школами, одной из которых является Гелегенхайт, расположенная в лесу города Гейдельберг. Для поступления в одну из школ вам, дорогие друзья, нужно всего лишь отправить заявку в виде письма на почту президента Краузе, нашего спасителя. Наш добрый президент очень часто совершает воистину заслуживающие уважения поступки, и обязательно принимает заявки каждого! Образование, дорогие друзья, оно для всех! Мы, дорогие...»

— Выключи это, — попросила Марго.

Шэрон ткнула на кнопку радиоприемника, и тот замолчал. Письмо, которое каждый из подростков Гейдельберга отправлял президенту в надежде на получение образования, каким-то образом никогда до того не доходило. А радиоприемники каждый день скандировали об одном и том же: о возможностях, о благополучии граждан, о том, что образование доступно всем. Словом, о равенстве, которого не было. Страна, даже не сумевшая оправиться после Второй Мировой войны, растеряла всё во Всеконтинентальной войне 1961 года. И, хотя все вокруг верили в лучшее, надеялись оправиться после многочисленных политических конфликтов, никто не представлял такое будущее возможным. Только из-за этого Шэрон и Марго договорились поступать в «Гелегенхайт» — они хотели, чтобы будущее не было таким туманным, размытым и неясным. Хотелось иметь хоть какую-то опору, даже если самую маленькую и непримечательную, хотелось иметь знакомства с другими жителями Франгервела. В основном, такие школы, как «Гелегенхайт» и «Орфей» в Германии, «Тур» во Франции, «Зенит» в Великобритании или «Эбенбур» в Бельгии, принимали подростков из «высшего» общества. Это могли быть дети чиновников, ученых, политиков, финансистов и других. С одной стороны, Дальмайер постоянно повторял Шэрон, что такие связи важны, что они помогут ей продвигаться в обществе, но с другой, именно таких знакомств девушка боялась больше всего. Она боялась не вписаться, выделиться на фоне остальных и не уметь себя вести в их обществе, боялась, что не сможет подружиться ни с кем, что она и Марго будут общаться только друг с другом. Чего только она не боялась...

Фрау Шульц, управляющая «Гелегенхайта», принимала в своем кабинете Франциску и Меган. Две студентки сидели за столом напротив нее и что-то говорили воспитательнице об уроках, когда вдруг затрезвонил телефон, который фрау Шульц прожигала своим взглядом, слушая девушек. Она опомнилась, когда голос Меган стих, и подняла трубку к уху.

— Агнес Шульц, «Гелегенхайт», — сказала она заученную фразу.

Меган попыталась поймать взгляд Франциски, но та не обращала на одноклассницу никакого внимания. Франциска только серьезно, немного нахмуренно смотрела перед собой, будто стараясь расслышать телефонный разговор.

— Всё верно, — сказала фрау Шульц, кивнув, и зачем-то достала листок пергамента из ящика своего стола. — Хорошо, отлично. Повторите, пожалуйста, — попросила она, выводя буквы на листе.

Несколько секунд она записывала какую-то информацию и поддакивала в динамик трубки. Затем она услышала что-то ещё, и лицо её изменилось.

— Как вы сказали? Кингсли? Вы уверены?

На этот раз Франциска вскинула брови и все-таки повернулась к Меган. Обе студентки посмотрели друг на друга в немом вопросе, и точно такой же взгляд они перевели на фрау Шульц. Та удивленно кивнула и записала что-то ещё. Спустя несколько мгновений фрау Шульц положила трубку и взглянула на девушек.

— К нам приезжают новенькие.

— Это же хорошо? — неуверенно спросила Меган, смотря то на управляющую, то на Франциску.

Фрау Шульц пожала плечами.

— А что вы сказали про Кингсли? — наклонилась вперед Меган.

Воспитательница собиралась было что-то ответить, но её остановила Франциска, встав из-за стола.

— Не надо. Меган, мы давно решили вопрос насчет фамилий, не начинай всё заново.

Меган исступленно кивнула, подавив в себе огромное любопытство. Тогда Франциска повернулась к фрау Шульц и сказала:

— Тогда я попрошу Йенса сделать новые таблички на двери. И подготовлю комнаты.

Фрау Шульц немного улыбнулась.

— Спасибо, Франциска. Только прибираться в комнатах не входит в обязанности старосты, я пошлю туда горничных. В твоём распоряжении — подготовить письменные принадлежности для новеньких и оповестить учителей. И возьми себе в помощников кого-нибудь из тех бездельников, что своровали сегодня бутылку вина из Южной башни.

Франциска покраснела, вспомнив, что проникала в башню вместе со всеми, но сдержала свою улыбку.

— Хорошо, фрау Шульц, — сказала она и направилась к выходу.

— И передай им, что сегодня нет повода для празднеств с выпивкой! — сетовала воспитательница вслед.

— Вы только что подали нам повод, — рассмеялась Франциска и вышла из кабинета, не дожидаясь ответных возмущений фрау Шульц.

— Угадай, что?

С такими словами Мадс Краузе толкнул дверь с бронзовой табличкой, на которой было выведено «Франциска» и зашел в комнату своей сестры.

Девушка накидывала бордовый платок на свои плечи, стоя у высокого зеркала. Заметив Мадса, она обернулась на него и улыбнулась.

— Что?

Парень воскликнул:

— Новенькие!

Франциска усмехнулась и кивнула, поворачиваясь обратно к зеркалу.

— Я знаю, — сказала она, начав завязывать длинные русые волосы в косичку. — Кто-то позвонил фрау Шульц, когда я и Меган жаловались на фрау Беречанг. А тебе кто сказал?

— Меган, — ответил Мадс. — А кто ей звонил? Кто-то из солдат?

— Скорее всего. Подай, пожалуйста, мою ленту...

Мадс прошел к столу сестры и взял с него голубенькую полоску ткани, которой Франциска по обыкновению завязывала волосы, и отдал ей.

— Спасибо, — улыбнулась она и отвернулась от зеркала. — Мне нужно идти на выживание и поговорить с Йенсом.

— Конечно, — кивнул Мадс, идя к выходу вместе с ней. — Нужно что-то подготовить к приезду новеньких?

— Да, если у тебя сейчас нет никаких уроков, сходи с Гарри в Южную за двумя чашками и тарелками. И если найдете что-то ещё нужное новеньким, возьмите тоже.

Мадс открыл перед Франциской дверь, и они вышли в коридор, освещенный желтыми огоньками свечей.

— Что ты думаешь насчет них? — спросила Франциска.

Мадс пожал плечами.

— Мы уже два года учимся в одном составе, ни одного новенького. Думаю, это будет интересно.

— Интересно... — задумчиво повторила за ним девушка.

Вдруг она остановилась и внимательно посмотрела на брата.

— Ты помнишь наш договор?

— Я никому не скажу, сестренка, обещаю.

Франциска бросила на него сомневающийся взгляд.

— Не забудь.

— Тонем по-отдельности? — усмехнулся Мадс.

— Да. Идет?

Мадс взглянул на нее, потом на дверь комнаты Гарри, которую они проходили мимо.

— Идет, — сказал он, они стукнулись сжатыми кулачками на прощание, и парень свернул к Гарри.

Йенс, хлопнув дверью, вышел из конюшни с вилами и начал стребать сено в одну кучу. Под шум листвы, слабое дуновение прохладного, осеннего ветра и ржание лошадей в стойлах он постепенно успокаивался. С того момента, как он выпустился из Гелегенхайта и начал работать там же конюхом, прошло всего одно лето. Он всё еще помнил, как заканчивал школу и не хотел покидать её стен. И нашёл способ, как это устроить. Помнил свои сомнения, свои амбиции. Помнил, как ему хотелось выбраться из Гейдельберга и переехать в столицу — в Берлин. Помнил, как до войны ему хотелось уехать из Германии куда-нибудь далеко-далеко. И кто знает, правильно он сделал, что остался, или нет. Йенса иногда посещали такие мысли — что бы было, если бы еще до ядерных взрывов по всему земному шару он сбежал бы, например, в Австралию, которая на протяжении всех военных действий придерживалась нейтралитета. Что было бы, если бы он не остался?

Вдруг он услышал стук копыт поблизости и обернулся. Из чащи леса к школе подъезжали две девушки на лошадях.

Он приставил вилы к стене конюшни и побежал к Восточной Башне. Только он хотел потянуть дубовую дверь на себя, как она сама распахнулась, едва не задев его.

— Герр Кёллер! — воскликнула пожилая дама и от испуга схватилась за сердце. — Что за безобразие?

— Прошу прощения, фрау Шульц, позвольте сообщить, что к школе едут посетители.

Исподлобья она посмотрела на него цепким взглядом.

— Я знаю, что едут. Это новые ученицы. Меня известили солдаты об их отбытии из города.

Йенс почему-то просиял, сам не понял, из-за чего. Но Агнес Шульц, управляющей в Гелегенхайте, это, кажется, не понравилось.

— Не радуйтесь так, молодой человек, от новеньких всегда одни хлопоты, — проговорила она и поспешила открывать ворота новоприбывшим.

Меган внимательно слушала фрау Мэгкем, учительницу по истории и межкультурным коммуникациям, когда Кейджер подбросил ей скомканную записку. Девушка развернула ее и прочитала написанное: «Мегги, у нас новенькие?». В ответ Меган лишь посмотрела на юношу с чёрными волосами и кивнула. Тот просиял и перегнулся через свою парту, чтобы передать информацию впереди сидящим: парню с коротко подстриженными волосами и девушке с невероятно длинными ресницами.

— Кейджер, Гарри и Габриэла! — услышала их учительница.

Она была молодой, около тридцати лет, её рыжевато-каштановые прямые волосы были собраны в низкий пучок, а темно-зеленые глаза выражали строгость и укор. Она была одета в

тёмно-бордовое платье, а на её груди был прикреплен именной значок. Фрау Мэгкем объясняла тему государства Франгервел, показывая на меловой доске схему устройства власти.

Трое учеников послушно замолкли после предупреждения учительницы, но думать о новоприбывших не перестали. Вскоре Кейджер получил записку от Гарри:

«Девочка или парень?»

А потом эту же бумажку получила Меган.

Раздраженно вздохнув, девушка написала краткий ответ: «Две девочки»

Удивленный Кейджер показал всему классу два пальца и сделал вид, будто красит губы и ресницы, чтобы объяснить другим то, что новенькие — девушки. Некоторые тихо захихикали, а фрау Мэгкем опять остановила лекцию, сделав паузу и грозно посмотрев на Кейджера.

— Кейджер, я понимаю, что информация о том, что девушек в вашем коллективе станет больше, чем юношей, тебя сильно ущемляет, но позволь мне продолжить рассказ о государственной думе.

— Да, конечно, фрау, позволяю, — с ухмылкой сказал он и пристыжено уставился в пергамент, на котором рисовал вместо того, чтобы вести конспект.

— Кейджер, я спрошу это на зачёте. Тебя — в первую очередь.

Парень вздохнул, не смея поднять на неё взгляда, и посмотрел в окно. Так для него прошла вторая половина лекции.

Удобство быть новым человеком в коллективе — возможность показать себя не тем, кем являешься. Можно создавать свою личность заново, и никто никогда не узнает прошлых неудач и проступков.

Шэрон наклонилась, перекинувшись через шею коня, чтобы открыть калитку, но обнаружила, что на ней висит массивный замок. В этот момент из здания кто-то вышел, и девушки увидели приближавшуюся женщину, лет шестидесяти, в объемном бордовом платье с белым фартуком, с платком на голове и свечой в руке. На улице сгущались сумерки, и было довольно сложно разглядеть её лицо в отблесках огня.

— Ну и видок у неё. Будто умер кто-то, — проговорила Марго, доставая свое рекомендательное письмо из сумки.

Шэрон не смогла сдержаться и тихо хихикнула, в то время, как женщина уже была возле них.

— Новые ученицы, — кивнула она, зорко посмотрев на девушек. — Ваши письма?

Подруги переглянулись и протянули ей сложенные пергаменты. Старушка взяла их в руки, повертела, приставила к свече и только потом глянула на девушек.

— Шэрон и Марго, прошу, — она запихнула себе под одежды письма и, выудив оттуда же связку массивных ключей, выбрала один толстый. Им она открыла замок на калитке.

Пройдя через ворота они навсегда оставили свои прошлые жизни позади. Навсегда оставили там и самих себя.

Когда женщина остановилась около небольшой двери и выжидающе глянула на девушек, Шэрон вынула ноги из стремян и прыгнула на землю.

— Лошадей сейчас заберет герр Кёллер.

— Куда? — спросила она, поглаживая шею Ферда и мысленно прощаясь с ним навсегда.

— В стойло, куда же ещё?

— Их не убьют? — что-то в сердце Шэрон ёкнуло. Может, надежда.

Старушка изумленно посмотрела на девушку.

— Мы учителя, Шэрон, а не живодеры. Нечего пропадать таким хорошим коням, о них будут заботиться, пока вы сами не можете, — она вздохнула. — Ну, полно разговоров. Сейчас у ребят заканчиваются занятия, а потом вы можете присоединиться к ним на ужине. Оставьте коней и идём внутрь.

Шэрон обернулась, сжимая шею Ферда, уткнулась ему в плечо, вдыхая родной запах. В ответ конь мягко боднул девушку в голову.

— Ладно, мой мальчик. Хорошей тебе жизни с другими сородичами.

Откуда-то из-за башни вышел молодой парень лет двадцати и, подбегая к девушкам, приветственно махнул рукой старушке.

— Добрый день, — кивнул он им, лучезарно улыбнувшись и поправив свои растрепанные темные волосы. — Как звать этих красавцев? — парень подошел к черному коню Марго, протягивая ему кусочек сахара на ладони.

Марго вскинула подбородок, смотря парню прямо в глаза, и через несколько мгновений проговорила:

— Это Марс, — показала она на своего. — А там Ферд.

Парень внимательно оглядел Шэрон и усмехнулся.

— Ты назвала коня... «конь»?

Шэрон улыбнулась и кивнула.

Юноша неопределенно пожал плечами, а потом поочередно пожал им обеим руки.

— Меня зовут Йенс.

— Шэрон Кингсли, — ответила девушка, а парень, услышав это, как-то странно наклонил голову.

— Я Марго Беккер, — ответила вторая, всё еще не отводя взгляда от темноволосого парня.

— Добро пожаловать, — улыбнулся Йенс.

Он взял коней за поводья и, кивнув девушкам на прощание, ушёл, скрывшись в темноте.

Старушка, наконец завоевав внимание подруг, отворила тяжелую дверь и пропустила их в темный коридор. Они оказались в довольно тесном проходе, стены которого были холодные, кирпичные, а единственное, что освещало им путь, было пламя догорающей свечи в руках пожилой женщины.

— Моё имя — Агнес Шульц. Я являюсь воспитателем в этой школе, и вы должны обращаться ко мне, как фрау Шульц. И ко всем остальным в заведении вы обязаны обращаться с уважительной припиской, будь то фрау или герр, исключая учеников, таких, как вы, — проговорила она, чуть обернувшись.

Старуха задула свечку, и на мгновение стало еще темнее. Затем раздался тихий скрип, и появилась маленькая, тоненькая полоска света, которая вскоре разрослась, открывая перед ними коридор, но отличавшийся от прошлого своим количеством света и красок. Шэрон почувствовала перемену покрытия пола и глянула вниз. Вся поверхность коридора была застелена ковром бордового цвета, из-за чего тот сливался со однотонными стенами, украшенными редкими картинами.

Шэрон восхищенно вертела головой из стороны в сторону, пытаясь осознать, что это не было сном. Она помнила, как еще с 1962 года, когда люди уже немного восстановились после войны, и жена президента Краузе по фамилии Меренберг придумала частные школы, чтобы дать возможность подросткам получить образование, Шэрон мечтала поступить. Но, пропустив первые несколько лет подачи рекомендательных писем в Гелегенхайдт, она решила лишь в 1964 году. А решившись, вдруг пожалела.

— Здание школы, как вы могли заметить, состоит из четырех башен: Северная, Восточная, Южная и Западная. Мы в жилом корпусе, Восточная башня. Занятия проходят в Северной и Западной, — проговорила фрау Шульц.

— А что находится в Южной? — спросила Шэрон.

— Склад. Первое время туда вы можете заходить в сопровождении студентов вашего курса, чтобы найти какие-либо необходимые вещи, — произнесла она.

— А что там можно найти? — спросила Марго.

— Всё, что угодно, — улыбнулась воспитательница. — В разумных пределах, естественно. Пергаменты, канцелярские принадлежности, игрушки, одежду. Недавно я видела из окна своего кабинета, как мальчики нашли детский велосипед и ездили на нем между башнями. Вообще, студенты всё вам расскажут сами. — фрау Шульц пропустила девушек в круглый зал, в котором находились комнаты учеников. — Постарайтесь соблюдать тишину в жилом корпусе. Это правило общежития.

Шэрон зашла в комнату, которая, как сказала ей фрау Шульц, стала её собственной. Ничего примечательного в ней не было: низкий кирпичный потолок, обклеенные бордовыми обоями стены, неказистый стол и расшатанная табуретка подле окна, вместительный деревянный комод с выдвижными ящиками и кровать, примыкающая к стене, на которой лежали тонкий матрас, пуховое одеяло с подушкой и колючий красный плед. Девушка огляделась. Единственное, что её больше всего заинтересовало — было окно. Вид был красивый для здешних мест: посмотрев вниз, она могла увидеть усыпанную мелким гравием территорию Гелегенхайта, её границу. Чуть выше, чуть дальше, располагалась широкая полоска густого леса, а за ней — холмы. Высокие, красивые, с зелёными вершинами и пологими склонами, они возвышались над Гейдельбергом, укрывая его от остального мира. Засмотревшись на этих гигантов, Шэрон не услышала, как к ней в комнату кто-то зашел. Она обернулась лишь на свое имя.

— Шэрон, твое расписание занятий. Сегодня прошу явиться на ужин, уроки только что закончились, — сказала фрау Шульц, отдала девушке пергамент с расписанием, еще раз окинула взглядом её саму и добавила. — И переоденься, школьная форма в комод, — а затем скрылась, закрыв за собой дверь.

Шэрон всмотрелась в расписание дня. Уроки были самые разные: биохимия, история, астрономия, хоровое искусство, математика и математический анализ, конный спорт, а также курсы по выбору (стрельба из лука и базовые навыки выживания, финансовая грамотность и маркетинговое дело, начальные познания о медицине и оказание первой помощи, дипломатия и международные отношения). В день, в среднем, ей нужно было посещать четыре лекции, до начала которых был завтрак, а после занятий было свободное время и ужин перед сном.

Улыбнувшись началу чему-то нового, Шэрон села на кровать, еще раз оглядывая комнату. Ей больше не приходилось ночевать в развалинах каменной многоэтажки, каждый день искать еду, охотиться в лесу и радоваться одной единственной пойманной белке. Она могла перестать бояться на свою жизнь — по крайней мере, на ближайшие шесть лет обучения. И после осознания этой мысли в груди Шэрон зародилось едкое чувство стыда. Она почувствовала, что не заслуживала этого: ни образования, ни двукратного ежедневного питания, ни крыши над головой. Кто она такая, чем отличалась от других? Почему эту зиму она могла пережить в теплых помещениях, засыпать и просыпаться под одеялом, с собственной подушкой под головой? Какое право на нормальную жизнь было у нее, и почему этих возможностей не было у остальных в Гейдельберге? Стыд за себя, перед другими. Фактически бросив своего друга, герра Дальмайера, в городе, она посмела уехать, ничего не дав, не подарив ему на прощание.

Красные, кровавые стены, казалось, сжимались, отодвигались и снова приближались друг к другу, заставляя голову девушки немного кружиться. Шэрон зажмурилась, отгоняя скверные мысли, и, встав, подошла к окну. Она схватилась за ржавую ручку и с усилием повернула её вверх, открывая форточку нараспашку. Прохладный осенний ветерок проник в душную комнату и почти сразу успокоил девушку, обволакивая её плечи нежным дуновением и пробираясь сквозь её волосы. Она закрыла глаза, наслаждаясь моментом, как вдруг дверь её комнаты вновь распахнулась.

Франциска вышла из Северной башни, обдумывая накопившиеся за этот год хлопоты. С того момента, как она поступила в Гелегенхайт вместе со всеми ребятами из их класса, прошло два года, но никто из них не знал, как реагировать на новеньких. Разумеется, время от времени

в школе появлялись новые лица, да они и сами приходили куда-то в первый раз, но сейчас всё ощущалось иначе. Для Франциски, Гелегенхайд был первым домом; вторым была квартира её мамы в Берлине, откуда девушка уехала, чтобы получить образование. Франциска помнила свои смешанные чувства, сомнения и разногласия. Помнила бурную, негативную реакцию отца и слабую, но искреннюю улыбку матери.

Погружаясь в воспоминания, девушка не заметила, как оказалась у входа в свою комнату. Открыв дверь, она заметила лежащее на столе письмо. Его сложно было не увидеть — оно нарушало идеальный порядок в комнате девушки. Франциска подошла к столу, положила конспекты и зажгла свечу. Увидев красную восковую печать на конверте, девушка сразу же поняла, откуда он пришел. Достав письмо, она развернула лист и пробежалась глазами по содержанию. Затем, подняв одну бровь, Франциска хмыкнула и спешно вышла из комнаты. Она уже пересекла жилую залу, дойдя до комнаты с табличкой «Мадс», когда, оглянувшись, увидела напротив дверь, ведущую в прежде пустующую комнату. Её внимание привлекло то, что внутри горела свеча, а значит, в комнате кто-то находился.

На ходу сообразив, что нужно сделать, чтобы унять свое любопытство, девушка побежала к двери напротив, на которой еще не было таблички с именем жильца. Франциска без стука открыла дверь, заглядывая внутрь. У окна стояла Шэрон. Услышав скрип двери, она резко обернулась. Взгляды девушек встретились и на секунду время для них остановилось. Франциска рассматривала новенькую изумленным взглядом, невинным, будто она сама не понимала, каким образом оказалась в её комнате. Шэрон, в свою очередь, прошла глазами по Франциске медленно двигаясь с головы до ног и обратно, пока обе не вернулись к реальности.

Придав своему взгляду извиняющееся выражение, Франциска заглянула в карие глаза новенькой и пролепетала:

— Прости, перепутала.

После чего она еле заметно улыбнулась и убежала, закрыв за собой дверь.

Глава 2. Посвящение

Франциска, довольная собой, наконец зашла в комнату к Мадсу. В это время он сидел на стуле и что-то записывал пером на выцветшем листе пергамента. Девушка подошла к парню и положила раскрытое письмо на стол, в поле его зрения.

— Что это? — спросил он, отвлекшись от своих дел.

— Письмо от фрау Меренберг. Она приезжает, — ответила Франциска.

Промычав что-то нечленораздельное, Мадс вернулся к написанию конспекта. Девушка плюхнулась на кровать рядом.

— А еще я новенькую видела.

Юноша стремительно отодвинул перо с пергаментными листами и повернулся к девушке.

— И как?

Франциска неопределенно пожала плечами.

— Стояла, смотрела в окно, когда я зашла. Она, кстати, напротив тебя теперь живет.

— Вы говорили?

— Нет, я притворилась, что ошиблась дверью.

Мадс рассмеялся.

— Ты тут уже два года учишься, и она об этом знает. Разумеется, она не поверила, что ты еще расположения комнат не запомнила.

Франциска пожала плечами.

— Будем надеяться, что поверила.

На ужин Шэрон не пошла. Она просидела в своей комнате, не чувствуя голода, зато остро ощущая страх неизвестности. Увидев одну из студенток, она окончательно почувствовала себя не в своей тарелке. Та девушка была опрятная, одетая в бордовое платье с белоснежным хлопковым фартуком, её светлые волосы были собраны в аккуратный низкий пучок. Её зелёные глаза так стремительно изучали саму Шэрон, что той стало не по себе. Разумеется, подумала девушка, она пришла посмотреть на неё. Она ясно понимала, что все остальные студенты обучались в Гелегенхайте все вместе, как минимум два года. Она могла допустить мысль о том, что та девушка действительно ошиблась комнатой, но эта теория казалось слишком нереальной. И раз она придумала такую хитрую уловку, значит девушка эта была не из простых. Шэрон размышляла о таинственной незнакомке, об остальных ребятах, смотря в окно, когда к ней в комнату ворвалась Марго.

— Тебя почему на ужине не было?

Шэрон пожала плечами.

— Не голодна.

— Суть не в еде, а в знакомствах. Я уже почти всех запомнила, давай расскажу.

Девушка кивнула, и Марго уселась рядом с ней на кровать, подкладывая ноги под себя.

— Итак, мальчиков и девочек поровну, — начала она. — Все в одинаковых вещах: девочки в таких платьях, — Марго показала на себя. — Мальчики — в бордовых костюмах с белыми рубашками.

— Почему бордовый, интересно? — спросила Шэрон недоуменно.

Собеседница лишь пожала плечами.

— Говорят, это любимый цвет президента. Но я не уверена в достоверности этой теории, — она вздохнула и продолжила. — Итак, четыре мальчика и четыре девочки. С кого начать?

— Без разницы.

— Ладно, давай с девочек. Меган, Габриэла, Сьюзен и, кажется, Франциска. Меган с коротко подстриженными темными волосами, смуглой кожей. Но глаза у неё такие, — Марго сделала паузу, чтобы правильно подобрать слово. — Ледяные. Дальше Габриэла. Она постоянно крутится около одного парня, Гарри, который, кажется, спортсмен. У неё прямо кукольная внешность: голубые глаза, серовато-пепельные волосы, а губы... Как будто её пчела укусила.

Шэрон прыснула, пытаясь запомнить все имена и представить себе студенток Гелегенхайта.

— Так, дальше Сьюзен. Честно, она меня раздражает, не знаю, как объяснить.

— А что с ней?

— У неё такие жёлтые волосы, как стог сена. Огромные серые глазища, которыми она на меня смотрела всё время. Писклявый голосок, будто у неё вместо связок в горле гармошка. Низенькая, но всё время обращает на себя внимание. Не знаю, кто она, и как сюда попала. И, наконец, Франциска. Она меня тоже раздражает.

Шэрон хмыкнула, догадавшись, что девушку, которую она видела недавно, звали именно так, раз подо все остальные описания её внешность не подходила.

— В общем, она вот такая, — Марго встала с кровати, выпрямилась и сделала надменный взгляд, уставившись на Шэрон. — Кажется высокомерной. У неё такие светлые волосы, которые немного золотыми казались из-за свечей, зелёные глаза, как у меня, только чуть светлее.

— Ты же понимаешь, что есть сотни людей с зелёными глазами?

— Шэрон, — покачала головой Марго.

— Ну, что?

Девушка махнула рукой и продолжила изображать Франциску, надменно глядя на Шэрон.

— Она возомнила себя главной. Сидит, ест, молчит, смотрит на всех так... с презрением.

— Может, она и есть главная? — поинтересовалась Шэрон, облокотившись на стену.

— Я не переживу этого, — ответила Марго.

Марго обратно села на кровать, резко хлопнув ладонями по коленям Шэрон, от чего та вздрогнула.

— Дальше мальчики.

Шэрон насмешливо глянула на неё.

— Рассказывай.

— Гарри, Луи, Кейджер и Мадс. Гарри, как я уже говорила, выглядит, как спортсмен. У него бритая голова, серые, маленькие глаза, нос прямой, да и профиль довольно правильный. Вроде бы накачанный, но рубашка всё скрывает. Потом — Луи. Он тихий, не слишком заметный. Рыжий, с веснушками, глаза такие добрые, но немного холодные. За ужином Кейджер шутил, а Луи — подхватывал. Они вдвоем первые подошли познакомиться. Еще спрашивали, где вторая.

— То есть, я?

— Ты. Я отшутилась, так как правда не знала, что случилось, — кивнула Марго. — Стой, я не рассказала про Кейджера и Мадса. У первого черные волосы и широкие брови, глаза карие, как мне показалось. Он, как я уже сказала, шутит смешно вместе с Луи: то про Гарри, то про учителей, за что на него шикнула фрау Шульц, то про домашнюю работу. И Мадс, — она сделала паузу, вспоминая внешность парня. — У него такая небрежная укладка, светло-русые волосы, кожа бледная, глаза, к слову, тоже зелёные. Он просто тихо сидел весь ужин, думал о чем-то своем, хотя иногда и смеялся над Луи с Кейджером.

Шэрон задумалась.

— Ты, кажется, с ними сдружилась, — сказала она, когда подруга направлялась к выходу.

— Еще нет, но я в процессе, — улыбнулась она, а потом добавила: — Кстати, на завтрак ты обязана пойти. Во-первых, ты с утра не ела, а во-вторых нам с ними учиться шесть лет. Надо же подружиться хоть с кем-нибудь.

Шэрон это понимала, но принять ей вдруг стало сложно.

— Я не люблю знакомиться, — сказала она. Придется заново открываться кому-то. Они же меня совсем не знают!

— Так воспользуйся этим, — сказала Марго и вышла из комнаты Шэрон, закрыв за собой дверь.

Гарри поднес к сжатым губам рацию и сдавленно проговорил:

— Вы на связи?

Ответом ему было резкое «Да», произнесенное вразнобой несколькими людьми.

— Приходите в седьмую аудиторию, только без новеньких.

— Есть.

Парень ухмыльнулся и сложил руки на груди, ожидая прихода остальных. Он внимательным взглядом осмотрел классную комнату, в которой голые кирпичные стены казались еще более устрашающими при свете луны. Тёмная комната, ненавистные им деревянные парты, стол учителя, за которым ему, наконец, удалось оказаться хотя бы в вечернее время. Оказавшись здесь, он почувствовал какую-то неописуемую власть, будто он способен завоевать весь мир. Тихо рассмеявшись собственным мыслям, Гарри вдруг заметил чьё-то присутствие. Он прищурился, чтобы лучше разглядеть в темноте чей-то силуэт.

— Придумываешь очередной план по свержению президента? — услышал он голос из противоположного угла аудитории.

— Хорошая идея, поможешь? Ты своего папочку знаешь лучше, чем я, — ответил Гарри.

По ступенькам к учительскому столу спускался светловолосый парень, засунув руки в карманы.

— И не подумаю, — проговорил он, поднимая свои зелёные глаза на Гарри.

— А ты попробуй, это полезное дело... Оглянуться не успеешь, как сестренка организует революцию.

Мадс усмехнулся.

— Многовато позволяешь себе.

— Отнюдь, мы все равны, — напомнил ему Гарри.

— Нет, — засмеялся Мадс. — Я — выходец из высшего общества, а ты — глуповатый спортсмен.

Гарри в шутку замахнулся на него кулаком.

— Я хотя бы настоящий спортсмен, — гордо сказал он. — По утрам бегаю. А ты когда присоединишься?

Мадс отмахнулся.

— Когда настолько сойду сума от мыслей или от чего-нибудь ещё, чтобы пытаться своё тело ранними подъемами и физкультурой.

Гарри покачал головой, и в этот момент в аудиторию зашли еще шесть человек и, спустившись по ступеням между парт, окружили учительский стол. Франциска приветственно кивнула Мадсу, а затем глянула на Гарри. Тот встал, оглядывая присутствующих, и продекларировал:

— В нашем коллективе новенькие. Я позвал вас всех сюда только с одной целью — радушно их принять. И у меня есть отличная идея, как это сделать, — он ухмыльнулся.

Шэрон проснулась от внезапного шока, спровоцированного ледяной водой, разлитой ей на голову. Она резко поднялась на кровати, открыв рот, пытаясь впустить хоть немного кис-

лорода в грудь, и тут же пожалела о своем действии — между её зубами оказалась противная, мокрая тряпка, сразу же завязанная сзади её головы. Раздраженно выдохнув, она собралась открыть глаза, но и этого у неё не вышло — вторая тряпка вновь была кем-то завязана, закрыв ей доступ к зрению.

Ровно в этот же момент она услышала, как кто-то вздохнул сзади неё, пытаясь скрепить ей руки, когда кто-то другой тряпкой или верёвкой (она не могла разобрать, чем именно) связывал лодыжки.

Сердце девушки бешено заколотилось, и его стук отдавался в ушах. Она почувствовала, как её тело подхватили несколько человек и куда-то понесли. В её голове проносился рой мыслей о возможных исходах, о том, что можно сделать, и как спастись. Её несли и несли, а она не видела, кто сзади неё, что происходит вокруг, и, что главное, куда они направляются. Коридоры, казалось, не заканчивались, но Шэрон не теряла надежды попытаться ударить похитителей, хотя и изрядно устала биться в их руках.

Вскоре она услышала скрип двери и ощутила прохладное дуновение осеннего ветра. Пройдя еще пару шагов, кто-то жёстко бросил её на холодную землю, после чего Шэрон собралась бежать. Но оцепенение задержало её, сжало ей и ноги, и руки, и самое главное — помутило разум. Шэрон вдруг стало невыносимо страшно. Она почувствовала, как кровь бушует в венах, сердце бьется с каждой секундой все сильнее, а глаза беспокойно поворачиваются из стороны в сторону, будто с надеждой, что сумеют снять повязку. Пальцами она пыталась развязать тряпку на запястьях, но лишь царапала себя своими же ногтями. В её голове пронеслась мысль, что так она и умрет. Ничего не добившись, не обучившись в Гелегенхайте и года, умрёт, и никто её не вспомнит. А главное — умрёт связанной, скованной и лишенной свободы.

Она внезапно поняла, что всё тщетно. Бесполезно было ползать, пытаться спастись. Как вдруг у неё получилось поддеть узел на запястьях. Вскоре девушка смогла снять с рук повязку и откинула её куда-то в сторону, принявшись развязывать себе глаза. Но в этот момент её руки перехватили за головой, и она почувствовала, как кто-то наклонился к её уху и прошептал:

— Не так быстро.

Она выдохнула с такой силой, что из горла вырвался крик. Спустя несколько секунд её носа коснулся едкий запах керосина. Шэрон прекрасно отличала его от всех остальных, так как часто её родители-изобретатели ставили опыты с горючими веществами. Она знала, что идет после керосина. И к чему это ведет.

И, услышав чирканье спички, девушка начала вырываться из чьих-то рук с еще пущей напористостью. Она стала брыкаться, пинать гравий, щипать пальцами кожу сзади стоящего человека. Ощувив на своей коже жар пламени, она стала кричать сквозь тряпку во рту. Вдруг ей на голову откуда-то сверху вылилось целое ведро ледяной воды.

Отдышавшись, она стала поворачиваться из стороны в сторону, но руки сзади держали её крепче прежнего. Как вдруг человек отпустил её руки и отошел назад. Шэрон моментально сняла с глаз повязку и огляделась, пытаясь прийти в себя.

Вокруг неё стояло четверо людей в масках: клоун, какой-то непонятный кот, лошадь и странная птица. Они все смотрели на неё, а перед их ногами пылало кольцо огня. А Шэрон сидела в его центре. Её сердце остановилось, а в мыслях было пусто.

Так же страшно ей было в начале Всеконтинентальной войны, когда в Гейдельберг вторглись азиатские армии и начали перестреливать гражданских. В тот момент она сидела в школе, на уроке математики — это она помнила отлично. В их класс забежало несколько солдат, и они стали стрелять своими автоматами над их головами, пытаясь лишь испугать учеников. Но несколько человек из её класса всё же умерло, включая учительницу. Шэрон всё это время пряталась под партой, сжимая в своих руках тело своей подруги, которая не успела быстро нагнуться под стол. Кажется, многие в тот момент подумали, что Шэрон ничего не поняла. Они так решили из-за того, что она не плакала. И хотя Шэрон никому ничего не говорила,

сама для себя она осознала многое: то, что очень удобно — скрывать то, что чувствуешь; то, что в войне нет правила «каждый сам за себя», и безумно важно — думать о других. Всю свою оставшуюся жизнь смерть подруги она будет считать своей виной.

Огромными глазами девушка рассматривала присутствующих, но ничего не могла предпринять. Страх сковал всё её тело. Так бывает — чувство, когда не можешь пошевелить и пальцем, занимает все пространство.

В огненное кольцо шагнул человек с маской орла, постепенно стягивая её с лица. Шэрон не вспомнила описания, данные Марго, и не смогла понять, кто стоит перед ней. Пламя освещало худое лицо снизу, создавая акценты на острых скулах. Кейджер? Русые волосы и серьезные, решительные зеленые глаза. Гарри? Все портреты студентов в её голове перемешались. Парень подошел к Шэрон ближе и протянул ей руку. Девушка попятилась, но вскоре остановилась, когда ощутила спиной жар огня и поняла, что бежать будет крайне глупо. Она подняла глаза на юношу, который всё еще протягивал ей руку, хотя его лицо ничего не выражало. Ни любезности, ни презрения.

— Ты Мадс? — шепотом спросила она.

Он наклонил голову, изучая девушку с головы до ног.

— А ты Шэрон?

Оцепенение в её теле куда-то ушло, а адреналин подскочил. Шэрон резко развернулась, подставила связанные тряпкой ноги к огню, и повязка загорелась. Обжигая её лодыжки, ткань сама собой разъединила её ноги, после чего девушка поднялась, прыгнула через огонь и побежала, но вскоре упала на землю из-за жгучей боли. Она спешно поднялась и понеслась по площадке, усыпанной гравием, который больно впивался в её ступни, прежде чем осознала, что за ней вразвалочку медленно идет Мадс. Шэрон обернулась на ходу, а потом остановилась у забора, огораживающего территорию, пытаясь отдышаться. Внезапно она полностью ощутила все недостатки её положения: она была дважды облита из ведер ледяной водой, вся одежда липла к телу, ожоги на ногах пылали, голова кружилась, и всё тело болело после того, как её бросили на землю. А также она только что прибыла в Гелегенхайт, не успев отучиться и одного дня. От чего она бежала? Она и сама не знала.

Мадс и еще трое студентов, которые уже сняли маски, подошли и остановились в двух метрах от Шэрон. Девушка обернулась и оглядела их всех, пытаясь вспомнить имя хоть одного. И вспомнила. С маской черного кота в руках стояла студентка с распущенными светлыми прямыми волосами, которые спускались до её поясицы. Она всматривалась в лицо Шэрон. Взгляд её казался высокомерным. Франциска.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.